

УДК 141.33

А.В. Тимофеев

ПОЗНАНИЕ КАК ДУХОВНЫЙ ОПЫТ В УЧЕНИИ БЕРНАРДА КЛЕРВОСКОГО

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

Аннотация. В статье рассматривается соотношение рационального и иррационального элементов в учении средневекового мистика святого Бернарда Клервоского.

Ключевые слова: духовный опыт, рациональное, иррациональное, мистика, схоластика, философия, созерцание.

Введение

Проблема соотношения рационального и иррационального в истории философии получает различные интерпретации. В современной философской литературе традиционным является разделение на классическое и неклассическое, идеалистическое и материалистическое направления в философии. Иррациональное и рациональное часто ассоциируется, соответственно, с восточной и западной философскими парадигмами. В христианской мысли западного средневековья соотношение рационального и иррационального принимает особую форму, которую принято определять как «противопоставление разума и веры» [1]. Следует отметить, что в исторической перспективе такое противопоставление – явление относительно недавнее, восходящее к середине-концу восемнадцатого столетия, к трудам так называемых «французских энциклопедистов». Христианские мыслители Средневековья, как и философы Нового времени (Декарт, Дж. Локк, Т. Гоббс), выводили свои основные тезисы из книг Ветхого и Нового Завета, утверждая органическую связь веры и разума, целостное видение мира и человека. Этот принцип не менее актуален для средневековой западной мысли XII века, где мистическая традиция с ее обращением к духовно-религиозному опыту и зарождающаяся схоластика, отдающая преимущество разуму в обосновании истин веры оказываются моментами единой философско-теологической системы. «Разум того времени мистически ориентирован, а мистика рационально организована, – пишет российская исследовательница С.С. Неретина. – Обе эти линии вплоть до 13 в., когда произошел разрыв разума и веры, были нераздельны» [2]. Обращаясь к философско-теологическим воззрениям французского средневекового теолога, «религиозного гения XII века» св. Бернарда Клервоского можно утверждать, что в богословском методе «мягкого мистика железной воли» (Л. Карсавин) всегда присутствуют два элемента: попытка постижения, труд разума, размышляющего над объективными основами веры, и обращение к личному духовному опыту, с которым эти истины сопоставляются.

Анализ исследований и публикаций

Изучению философской мысли Бернарда Клервоского посвящены многочисленные работы западных ученых: К. Батлера, Р. Брага, Р. Генона, Э. Жильсона, М. Кейси, Т. Лейна, Ж. Леклерка, Т. Мертона, Ф. Поссета, М. Суини, А. Штекля, Дж. Эванс; русских и российских исследователей: А. Вертеловского, В. Герье, Л. Карсавина, А.А. Клестова, Е.

Корелина, Д.К. Маслова, С.С. Неретиной, А.Ф. Фокина, А.М. Шишкова. В Украине философские взгляды св. Бернарда рассматривались Ю.А. Шабановой в контексте влияния на средневековую немецкую мистику, в современной украинской учебной литературе также следует указать раздел, посвященный св. Бернарду в «Истории средневековой философии» В.В. Кондзьолки. Отдельного исследования, посвященного творчеству Б. Клервоского, в Украине не проводилось.

Постановка цели и задач

Целью статьи является анализ соотношения рационального и иррационального в учении средневекового мистика святого Бернарда Клервоского. Задачами, раскрывающими цель статьи, выступают: выявление антиномичности схолистического и мистического направлений средневековой мысли XII века, раскрытие религиозно-иррациональной доминанты гносеологической позиции Б. Клервоского в контексте обращения к феномену духовного опыта. Актуальность статьи обусловлена необходимостью идейного обновления христианства путем взаимодейственной связи философского и религиозного мировоззрений, рационального и иррационального методов познания мира, нашедших отражение в учении средневекового мистика.

Основная часть

Рассматривая характер соотношения рационального и иррационального в учении святого Бернарда Клервоского, следует обратиться к культурно-историческому аспекту данной эпохи. Как уже отмечалось, начиная с XII века, в западноевропейском религиозно-интеллектуальном пространстве доминируют два основных направления – схолистическое и мистическое. Конфликт между основоположником средневековой мистики Бернардом Клервоским и крупнейшим диалектиком той эпохи Петром Абеляром вошел в историю европейской философии под названием «величайшего культурного эпизода XII столетия» (М.Т. Ратисбон). В отечественной истории философии этот конфликт обычно рассматривается как противостояние веры и разума. Такой подход, по нашему мнению, является односторонним. Представляя веру и разум как оппозицию, тем более как основание разногласий между св. Бернардом и П. Абеляром, мы попадаем, по выражению немецкого церковного историка А. Гаусрата, «в сферу недоразумений» [3, с. 180].

Бернард Клервоский и Петр Абеляр представляли соответственно две познавательные линии: «мистически-рациональную» и «рационально-мистическую» (С.С. Неретина), которые нужно рас-

смагивать не в гегелевском смысле диалектического противоречия, а скорее как антиномию. Действительно, Бернард и Абельяр под словом «вера» понимали различные вещи. Для аббата из Клерво вера – душевное состояние, тогда как П. Абельяр христианской верой считал, прежде всего, догму. Поэтому утверждая, что вера предшествует пониманию, св. Бернард со своей точки зрения был совершенно прав. «Если наши религиозные представления вытекают не из сознания, а являются представлениями нашей душевной жизни, то они должны предшествовать мышлению о них в нашем сознании. Напротив, догма является продуктом нашего мышления, и прежде чем утверждать, что мы веруем в нее, т. е. признаем ее истинной, мы должны понять ее разумом» [3, с. 180]. Таким образом, тезис Абельяра логически безупречен. Безусловно, вера выступает иным, чем разум, началом познания, основываясь на идее несоизмеримости бытия и мышления. Принимая форму апофатического «знания через незнание», иррациональность веры проявляется как логическая невыразимость духовного опыта. Однако эта невыразимость духовного опыта совсем не отменяет его реальности. Поэтому христианская мысль осознает себя как веру, не противостоящую разуму, но разум включающую, т. е. сверхразумную.

Для святого Бернарда Клервоского, основоположника западной средневековой мистики и ярчайшего представителя «монашеской теологии» (Ж. Леклерк), вопрос о первичности веры и знания, бесспорно, решается в пользу веры, при этом само знание не отрицается, как не отрицается и философия. Здесь необходимо пояснить два момента. Во-первых, следует указать, что употребление термина «теология» в эпоху Бернарда еще не было общепринятым, в большинстве случаев использовалось выражение «*studium sacrae Scripturae*» («исследование Священного Писания») [4, с. 48]. В сочинениях Б. Клервоского мы не встретим термина «теология», за исключением его дискуссии с П. Абельяром. В письме к папе Иннокентию «Против некоторых ошибочных положений Абельяра» Бернард употребляет слово *theologia* только уничижительно, связывая его со словом *stultilogia*, т. е. «пустословием», «тщеславной болтовней», «болтологией» [5].

Во-вторых, св. Бернард говорит о философии, прежде всего, как о христианской мудрости, кардинально отличающейся от «игры в диалектическое искусство» [5] схоластических диспутов. Отношение Б. Клервоского к «светским философам» хорошо иллюстрирует цитата из его трактата «О размышлении»: «Они называют себя любознательными (философами), – пишет Клервоский, – мы же правильнее назовем их любопытными и суетными. Среди них есть такие, – продолжает аббат, – которые хотят знать, чтобы продавать свое знание за деньги и почести, а это – недостойное стяжание» [цит. по 6, с. 67]. Постулируя любопытство (*curiositas*) в сочинении «О ступенях смирения и гордыни» как начало духовного регресса, первый шаг нисхождения в грех, Бернард порицает тех, кто

стремится к знанию ради знания, тем более, ради материальной выгоды. При этом рациональное знание для Клервоского не является чем-то дурным, грешно именно досужее любопытство, которое отвлекает человека от его истинной цели – познания Бога. «Всякое знание хорошо, – пишет Бернард, – если основано на истине. Но время, данное человеку, кратко, и потому он больше должен заботиться о том знании, которое ближе к спасению. Есть такие, которые хотят знать, чтобы назидать других, – это любовь, и такие, которые хотят знать для собственного назидания, а это – мудрость. Только последние два разряда людей не злоупотребляют знанием» [цит. по 6, с. 67 – 68]. Таким образом, стремление к знанию ради «собственного назидания», которое св. Бернард Клервоский называет мудростью, неразрывно связано со стремлением человека к Богу; такое знание – высшее знание для христианина. Другая, столь же высокая цель, для исполнения которой необходимо знание, – «назидание ближнего», т. е. проповедь.

Французский исследователь Р. Браг в своей статье пишет: «Вопреки распространенному мнению Бернард вовсе не нападает на философию, но зато беспощадно атакует самих философов» [7, с. 99]. Термин *philosophia* для св. Бернарда (следующего традиции Августина), имеет положительную окраску – как определение интеллектуальных исследований христианами своей веры. Тщательное исследование лексики аббата Клерво, проведенное французским ученым, показывает, что слово *philosophus* девятнадцать раз употреблено пренебрежительно, три раза нейтрально, либо слегка положительно; тогда как все шесть случаев употребления слова *philosophia* – хвалебные [7, с. 99]. Бернард использует термин «философ» одобрительно в своей проповеди на праздник святого Климента, когда называет Климента Александрийского «философом своего времени» [8], образом христианского философа служит для него и фигура апостола Павла – «его философия лучше, чем философия этого мира» [9].

Для аббата из Клерво главной чертой истинной христианской философии выступает ее пракτικότητα. «Петр и Павел, – пишет Бернард, – научили меня жить. Как вы думаете, это мелочь, чтобы знать, как жить?» [цит. по 4, с. 50]. Возвращаясь к древнему пониманию философии как «духовного упражнения» (Г. Коцианчич), св. Бернард видит суть философии в том, что она требует этико-аскетического труда, что она должна быть «философией, которой живут»; упражнения эти были «духовными», поскольку «содержали целостный дух, целостный образ жизни» [10, с. 74]. Средневековый мистик в своем понимании христианской мудрости следует словам основателя отшельнического монашества св. Антония: «Какую силу имеют слова святых! Действительно, если что-то изрекли, они высказали из опыта и Истины. Да, эти слова сильны потому, что их сказали люди, закаленные практикой, ведь – как сказал один из мудрых – пусть твоя жизнь подтвердит твои слова» [цит. по 10, с. 86].

Говоря о позитивном контексте употребления настоятелем Клерво термина «философия», следует отметить, что Бернарду удастся вписать слово *philosophia* там, где текст является священным, что освобождает его от использования другого, библейского слова *sapientia* (мудрость). В проповеди 43 на Песнь Песней Бернард заменяет *sapientia* в 1 Кор. 2.2 на *philosophia*, определяя тем самым собственный взгляд на познание: «Знать Иисуса, и притом распятого, – вот моя тонкая, внутренняя философия» [11]. Христианская драма для средневекового аббата «разыгрывается не между добрым и злым, а между левым и правым разбойниками» (О. Клеман). Следует согласиться с российским исследователем А. Клестовым, который пишет: «Смысл теологии для аббата Клерво заключается в том, чтобы достичь созерцания тайны спасения человека Богом в мистическом опыте, иными словами, "познать Иисуса распятого", чтобы совоскреснуть с Ним в его воскресении» [12, с. 430]. Поэтому для святого Бернарда философия, не ведущая к созерцанию, не является истинной философией: «Мы желаем познать только то, – утверждает аббат, – что уже знаем благодаря вере. И для блаженства недостает только того, чтобы то, что уже известно нам благодаря вере, было бы ясно также и непосредственно» [цит. по 13]. Отсюда термин *intellectus* у Бернарда Клервоского следует понимать скорее как «духовное постижение», даже «умное созерцание», чем «знание» или «разумение» [13].

По мысли св. Бернарда, подлинную реальность и смысл можно найти только в духовной жизни. Различая в познании три формы – эмпирическое, рациональное и идеальное, аббат Клерво в трактате «De consideratione» говорит о трех способах «размышления», направленного на познание Бога. Икономическое (*dispensativa*) размышление пользуется чувствами и чувственными предметами с религиозно-нравственной целью – «для спасения себя и других» (De consideratione, V. 2. 3-4). Оценивающее (*aestimativa*) размышление проникает в основания существ и явлений, чтобы через их исследование возвыситься «к изучению невидимого Бога» (*ad vestigandum Deum*) (De consideratione, V. 2. 4). Созерцательное (*speculativa*) размышление обращает человека к самому себе, чтобы, в глубинах своей души, отрешившись от всего чувственного и земного обрести Бога, и, таким образом, выйти за собственные пределы, оставляя все человеческое «для созерцания Бога» (De consideratione, V. 2. 4).

Если два первых способа имеют относительный характер мнения (*opinio*) и составляют, по Бернарду, вообще размышление (*consideratio*), то созерцание (*contemplatio*) как непосредственное постижение духовного духовным дает прямое и потому достоверное знание. «Чего желает первый и обоняет второй, третий вкушает», – пишет аббат [цит. по 14, с. 119]. По мысли Клервоского, чувственное познание и интеллектуальная деятельность относятся к созерцанию как средства к цели. «Велик тот, – говорит Бернард, – кто чувствами и чувственными предметами пользуется ко благу своему и ко благу

других; не менее велик тот, кто, философствуя, от чувственного возвышается к сверхчувственному; сам совершает шаги, для того чтобы взойти к невидимым вещам, изучая философию. Но особенно велик тот, кто, презирая чувства и чувственные предметы не постоянно, но через внезапное восхищение возлетает на высоту» [цит. по 14, с. 119].

Таким образом, для святого Бернарда Клервоского истинное познание неотделимо от опыта переживания Бога на высших ступенях религиозного плана бытия. Следуя Августину, Бернард полагает, что вера должна предшествовать знанию. Однако подход к обоснованию истин веры у святого Бернарда отличается как от принципа Августина «*credo, ut intelligam*» («верую, чтобы понимать»), так и от принципа Абельяра «*intelligo, ut credam*» («понимаю, чтобы верить»).

Связь веры и знания, понимаемого как опыт духовного постижения, определяет латинский тезис, которому следует св. Бернард Клервоский: «*credo, ut experiam*» («верую, чтобы испытать»), где глагол «испытывать» подразумевает «духовное постижение», «духовный опыт» – то, что относится к настоящему созерцанию. Учение св. Бернарда можно назвать мистикой сознательной жизни в ощущенной благодати: «Лучшим способом знания должен быть признан тот, – пишет аббат о мистическом созерцании, – при котором человек ни в чем не может нуждаться, – когда он во всем, что желает знать, сам собою удовлетворяется» (De consideratione, V. 1). Рациональные доказательства, содействующие пониманию истин веры, не устраняются совершенно, но им отводится второстепенное место.

Бернард Клервоский мыслит путь к истине, прежде всего, как путь к Богу (через самопознание); вслед за тем – единение с Ним; и лишь, в конце концов – учение о Боге. Для аббата Клерво определяющим фактором познания есть опыт переживания Бога, который дает мимолетное, но непосредственное постижение Истины, доступное скорее экзистенциальному опыту, чем отвлеченному умозрению. Изучение воззрений средневекового мистика неизбежно приводит к «источнику, без которого немисливо ведение тайн Божиих», источнику, который сам Бернард называет «опытом» [цит. по 15, с. 64]. В этой связи, несмотря на сложившееся недоверие к феномену религиозного опыта, который Х.-Г. Гадамер считает «одной из самых непонятных философских категорий» [16, с. 25], исследователи творчества св. Бернарда сталкиваются с более явным затруднением – в своих сочинениях Клервоский нигде не дает определение или описание того, что он понимает под опытом. Закладывая основы западной средневековой мистики, св. Бернард говорит о духовном опыте только апофатически или метафорически, синтезируя идеи древнецерковной традиции с восточной христианской мистикой и учением латинских отцов.

Ю.А. Шабанова определяет христианскую мистику как «эволюционную форму взаимодейственно-го творческого процесса совершенствования души через мистику Христа, вочеловеченного Богом» [17,

с. 21]. В данном контексте представляется, что из множества определений духовно-религиозного опыта, сформулированных в работах У. Джемса, М. Элиаде, Р. Отто, М. Шелера, Ф. Шлейермахера, В.Н. Лосского, И. Мейендорфа, П. Минина, И. В. Попова, В. С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С. Франка и других ученых, ближе всего к пониманию «опыта» средневекового мистика стоит определение русского религиозного философа И.А. Ильина: «Религиозный опыт есть по самому существу своему опыт объективного совершенства» [18, с. 53]. Так, говорит ли Бернард о самопознании, стремлении души к Богу, или о сотрудничестве человеческой воли с Божественной – главным направлением его размышлений является движение к совершенству: «Никто не может достичь совершенства, не желая стать еще более совершенным. Определяется же степень совершенства мерой жажды еще большего совершенства. Каждый, отказывающийся стать лучше, несомненно, менее совершенен; отказом от возрастания мы сразу умерщвляем в себе все благое», – пишет аббат [цит. по 19, с. 106]. Для Б. Клервоского религиозный опыт требует от человека не только смиренного самопознания, но и нравственного катарсиса на пути к восприятию Абсолютного Совершенства. Ощутить (*experiri*) в религиозно-мистическом инсайте Совершенство как абсолютную реальность – значит осуществить опыт, посвященный не тому, что «здесь и сейчас» воспринято как божественное, но тому, что всегда было и будет Предметом истинного религиозного опыта, высшей целью духовного стремления верующего человека.

Иной аспект характеристики понятия «опыт» св. Бернард открывает через часто цитируемое изречение: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему» (Песн. 2, 16). В этой фразе из библейской Песни Песней аббат раскрывает процесс слияния души с Богом. По Бернарду, смирение и монашеская аскеза как отрицание себя в причастности красоте «образа Божия» – начало пути апофатически-любовного богопознания. Любовь – движущая сила, направляющая душу к единению с Абсолютом (Небесным женихом), и, по сути своей, есть милостивая любовь Бога. Душа (как образ Божий), поднимаясь по ступеням любви, воссоединяется в «духовном браке» со своим архетипом, женихом Небесным, обретая в этом единении высшее знание, которое настоятель Клерво сравнивает с имуществом, находящимся в общем владении супругов. В отличие от всегда «несовершенного» познания объектов, в таком познании есть взаимность, отражение отношений между Личностями, определяемое любовью (*caritas*). В своей гносеологической позиции Бернард близок Максиму Исповеднику, который понимает «познание как следствие, знак соединения с Богом, осуществляемое любовью, однако такое следствие, которое в свою очередь воздействует на причину, усугубляя любовь» [цит. по 20, с. 394]. Сама же любовь человека к Богу мыслится Бернардом как должный ответ Тому, Кто полюбил людей первым. Вернуть любовь Богу – великая миссия человека. Поз-

тому «причина любви к Богу — Он Сам, а любить Его следует безмерно» [21, с. 49].

Выводы

Бернард Клервоский в своем учении предлагает иррационально-мистический путь познания, антиномичный схоластическому *«intelligo, ut credam»* («понимаю, чтобы верить»). Гносеологическая позиция св. Бернарда основана на непосредственном постижении Истины в акте мистического созерцания и предполагает первичность религиозных переживаний перед рациональными доказательствами догматов веры. Понимая философию в святоотеческой трактовке «христианской мудрости», св. Бернард утверждает не теоретическую абстрактность отвлеченного умозрения, а практический характер духовного опыта, который заключается:

- 1) в смиренном самопознании, открывающем человеку в глубинах его души красоту «образа Божия»;
- 2) морально-нравственном катарсисе, требующем этико-аскетического совершенствования личности на пути к восприятию абсолютного Совершенства;
- 3) в обращении человека к апофатически-любовному богопознанию посредством восхождения по ступеням покаяния, смирения, любви к ближнему (включающей «назидание во благе», т. е. проповедь), любви к Богу.

Богословие св. Бернарда имеет одну цель – стимулировать интенсивное и глубокое переживание Бога. Не отвергая рациональное знание, Бернард утверждает в своем учении примат духовно-религиозного образа жизни, имеющего прочное основание в Священном Писании, святоотеческом Предании и личном духовном опыте.

Экзистенциально-духовный и нравственно-практический характер философских воззрений святого Бернарда придает сочинениям средневекового мистика безвременную актуализацию. Так, в 2014 году Папа Римский Франциск, обращаясь к участникам Всемирного экономического форума в Давосе, перефразирует строки трактата св. Бернарда «О размышлении»: «Я прошу Вас сделать так, чтобы богатство служило человечеству, а не властвовало над ним» [22]. Представляется, что изучение реминисценций идей св. Бернарда Клервоского в пространстве западноевропейской философской мысли может стать предметом дальнейших историко-философских исследований.

Список литературы

1. Катасонов, В.Н. Иррациональное. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/URL: http://iph.ras.ru/elib/1289.html](http://iph.ras.ru/elib/1289.html) – Загл. с экрана.
2. Неретина, С.С. Средневековая западноевропейская философия. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Институт философии РАН – Режим доступа: [www/URL: http://iph.ras.ru/elib/2830.html](http://iph.ras.ru/elib/2830.html) – Загл. с экрана.
3. Гаусрат, А. Средневековые реформаторы: Пьер Абеляр. Арнольд Брешианский [Текст] / А. Гаусрат. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 392 с.
4. Evans, G.R. Bernard of Clairvaux [Текст] / G.R. Evans. – New York – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 232 p.
5. S. Bernardi Claraevalensis. Epistola CXC. Ad Innocentium Pontificem, de erroribus quibusdam Petri Abaelardi. Opera omnia [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/URL: http://www.binetti.ru/bernardus/05_2.shtml](http://www.binetti.ru/bernardus/05_2.shtml) – Загл. с экрана.

6. Герье, В. Западное монашество и папство [Текст] / В. Герье. – М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1913. – 334 с.
7. Браг, Р. Антропология смирения [Текст] / Р. Браг // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 99 – 113.
8. S. Bernardi Claraevalensis. De S. Clemente Papa et martyre sermo. De tribus aquis. Opera omnia [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/URL: http://www.binetti.ru/bernardus/75.shtml](http://www.binetti.ru/bernardus/75.shtml) – Загл. с экрана.
9. S. Bernardi Claraevalensis. Sermones de diversis. Sermo VII, 1. Opera omnia [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/URL: http://www.binetti.ru/bernardus/75.shtml](http://www.binetti.ru/bernardus/75.shtml) – Загл. с экрана.
10. Коцянич, Г. Введение в христианскую философию [Текст] / Г. Коцянич. – СПб.: «Алетейя», 2009. – 381 с.
11. S. Bernardi Claraevalensis. Sermo in Cantica canticorum XLIII, 4. Opera omnia [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/URL: http://www.binetti.ru/bernardus/86_3.shtml](http://www.binetti.ru/bernardus/86_3.shtml) – Загл. с экрана.
12. Клестов, А.А. Бернард Клервоский [Текст] // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т. 1 / под ред. С. С. Неретиной. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 427 – 430.
13. Фокин, А.Р. Бернард Клервоский // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/URL: http://www.pravenc.ru/text/78178.html](http://www.pravenc.ru/text/78178.html) – Загл. с экрана.
14. Вертеловский, А.Ф. Западная средневековая мистика и отношение ее к католицизму. Вып. 1 [Текст] / А. Ф. Вертеловский. – Харьков: Типография Окружного Штаба, 1888. – 276 с.
15. Леклерк, Ж. Святой Бернард и дух цистерцианцев [Текст] / Ж. Леклерк. – М.: Изд-во Францисканцев, 2013. – 140 с.
16. Gadamer, H.- G. Truth and Method [Текст] / H.-G. Gadamer. – New York: Seabury, 1975. – 310 p.
17. Шабанова, Ю.А. Трансперсональная мистика Мастера Экхарта. В контексте развития европейской философии [Текст]: монография / Ю.А. Шабанова. – Днепропетровск: НГУ, 2005. – 238 с.
18. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 2002. – 285 с.
19. Yeomans, W. «St. Bernard of Clairvaux» [Текст] / в Spirituality through the Centuries, ed. J. Walsh, P. J. Kenedy, New York, N. Y., 1964. – 568 p.
20. Лосский, В.Н. Боговидение [Текст] / В. Н. Лосский. – М.: АСТ, 2003. – 759 с.
21. Клервоский, Б. Трактаты. О любви к Богу. О благодати и свободном выборе [Текст] / Б. Клервоский. – СПб.: Изд-во РХГА, 2009. – 280 с.
22. Messaggio del Santo Padre Francesco al presidente esecutivo del World Economic Forum in occasione del Meeting annuale a Davos-Klosters (Svizzera) 17.01.2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2014/01/21/0047/00090.html](https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2014/01/21/0047/00090.html) – Загл. с экрана.

О. Тимофеев

ПІЗНАННЯ ЯК ДУХОВНИЙ ДОСВІД У ВЧЕННІ БЕРНАРДА КЛЕРВОСЬКОГО

У статті розглядається співвідношення раціонального та ірраціонального елементів у вченні середньовічного містика святого Бернарда Клервоського.

Ключові слова: духовний досвід, раціональне, ірраціональне, містика, схоластика, філософія, споглядання.

O. Tymofiev

KNOWLEDGE AS A SPIRITUAL EXPERIENCE IN THE TEACHINGS OF BERNARD CLAIRVAUX

The article deals with the relationship of rational and irrational elements in the teaching of medieval mystic's of St. Bernard of Clairvaux.

Keywords: spiritual experience, rational, irrational, mystic, scholasticism, philosophy, contemplation.